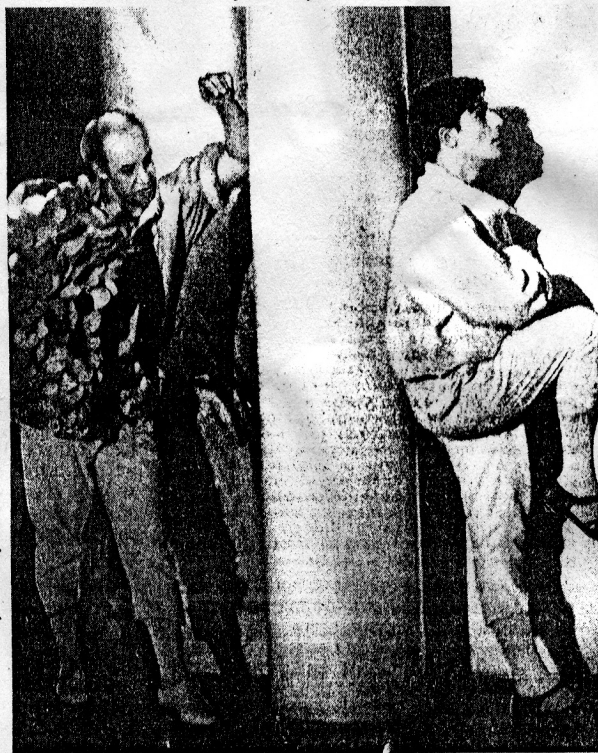

Прыжок с зависанием

О. Меньшиков и А. Феклистов
играют драму Нижинского

СОСТОЯВШАЯСЯ в двадцатых числах февраля премьера пьесы драматурга-дебютанта Алексея Буркина «N» знаменательна во многих отношениях. Мы уже привыкли к театрам, работающим с актерами на основе ангажемента — как в условиях стационара, так и вне его. Но этот спектакль осуществлен вообще вне какого-либо театра, как самостоятельный проект, причем вне театра и в прямом смысле — представления даются в парадной зале старинного дворянского особняка на Пречистенке. Авторы проекта — две очаровательные дамы, хорошо известные в кинематографических и театральных кругах: Галина Боголюбова и Лариса Исаева, организовавшие в прошлом году артистическое агентство «Богис». Этот проект — их дебют, причем к его особенностям можно отнести и такую подробность: спонсором постановки выступила коммерческая фирма, тогда как пьесе «купил» частный меценат. Впрочем, все это осталось бы лишь забавными подробностями очередной попытки «жить как люди» и перевести нашу художественную жизнь на «цивилизованные» рельсы, если бы не впечатляющий художественный результат.

Собственно, творческая работа шла, по-видимому, тоже достаточно нестандартно. Начать с того, что в центре проекта была не готовая пьеса, но два актера — Олег Меньшиков и Александр Феклистов. А также идея — сделать спектакль о знаменитом русском танцовщике Нижинском. Можно догадываться, что главной заботой драматурга — помимо прочего — было найти образ партнера для своего героя. Легко предположить, сколько заманчивых вариантов было отброшено — и прежде других фигура демиурга образа, славы и одновременно злого гения Нижинского Сергея Дягилева, — пока замысел не оформился. В результате Феклистову досталась сложнейшая роль, если такое амплу вообще можно назвать «ролью», — альтер эго героя, роль его земной, бытвой ипостаси, одновременно и хищного импрессиарио, и театрального «сыра», и — такое толкование тоже возможно — порождения больного сознания самого героя, своего рода кошмар-

ного двойника. Ибо не период бурного артистического взлета гения Нижинского представлен нам на сцене, но эпизоды его тридцатилетнего заточения в лечебницах для душевнобольных.

Роль Нижинского сшита автором на Меньшикова так же ловко, как щегольское бежевое пальто сценографом Павлом Каплевичем: бурный гений, фантазер, бунтарь-одиночка, романтичный, непонятный, отвергнутый, преданный, переходящий в особо патетических местах с прозы — подчас весьма хорошего качества — на стихи, и здесь артист оказывается настолько в своей тарелке, что слова становятся чем-то вполне второстепенным — нам достаточно знака, что герой говорит вдохновенными стихами.

Но вернемся к его партнеру, которому много труднее. Пьеса, вообще говоря, не таит никакой раззаты интриги, обходясь единственным конфликтом, столь статичным, сколь и неразрешимым. Конфликт этот хорошо обозначен такой символической сценкой из второго акта: персонаж Феклистова оказывается товарищем героя по несчастью, Нижинский предлагает обучить его своему знаменитому прыжку «с зависанием». Партнер соглашается, но вскоре вынужден признать, что у него ничего не выходит. Верно, удовлетворенно соглашается Нижинский, это получается только у меня одного.

Задача невероятно сложна: создать напряжение, используя лишь весьма общо заданные исходные условия — психофизиологическую разность, на грани несовместимости персонажей. В течение двух часов нужно играть землю, пусть и тянущуюся к небу, и небо, полное воздуха и облаков. Иначе говоря, представить на сцене драматическими средствами знаменитый прыжок Нижинского,

«зависнув» на пару актов в воздухе. Не нужно быть чрезмерно пронизательным, чтобы угадать: не будь это артисты класса Меньшикова и Феклистова — из этой затеи мало что получилось бы.

Здесь к месту рефлексия, навеянная этим спектаклем, — о том, что «хорошая сделанность» пьесы отнюдь не всегда достоинство; во всяком случае, ею можно поступиться ради вдохновенной цели сказать о невыразимом: о тайне гения, о драме «меньшинства» в столкновении с «большинством», о трагедии избранности, о неизбывном несчастье одушевленной материи, потерявшей Бога, но сокрушенной собственной косностью... Не без удовольствия отмечу: мало того, что бывает театр «нережиссерский», он, оказывается, бывает и вовсе без режиссера, и это еще один приятный урок — пьеса «N» поставлена художником и самими актерами, точней — сделана, разыграна, представлена.

Не будем задаваться вопросом, насколько эта театральная фантазия схожа с реальной драмой когда-то живших людей. Не будем пенять на чуть инфантильный романтизм самой пьесы. Победителей не судят. Ведь именно дерзновенность замысла, «масштаб претензий» позволили создателям этого спектакля победить. Листая программку — к слову сказать, даже она, выполненная на коричневой оберточной бумаге, безошибочно сигнализирует зрителю, что на сей раз он оказался в компании талантливых людей, — я наткнулся на фразу Саши Феклистова: «Театр — живое чувство, это — кипятилок». Что целиком относится и к данной работе. Без всякой скидки на остужающую атмосферу вокруг.

Николай КЛИМОНТОВИЧ